

ТАЙНАЯ ЖИЗНЬ ВЕТЕРИНАРА

Откровенные истории
о любви к животным,
забавных и трагических
случаях и непростой
профессии

РОРИ КОУЛЭМ

БОМБОРА
ИЗДАТЕЛЬСТВО

Рори Коулэм
Тайная жизнь ветеринара.
Откровенные истории о
любви к животным, забавных
и трагических случаях
и непростой профессии
Серия «Супервет. Невероятные
истории о животных и их спасителях»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66960243

Р. Коулэм. Тайная жизнь ветеринара. Откровенные истории о любви к животным, забавных и трагических случаях и непростой профессии:

ООО «Издательство «Эксмо»; Москва; 2022

ISBN 978-5-04-163390-5

Аннотация

Эта честная и трогательная история от британского ветеринарного хирурга, писателя и телеведущего шоу «Фактор домашних животных» Рори Коулэма раскроет тайны взлетов и падений в непростой профессии ветеринара. Автор рассказывает не только о благополучии животных и самых невероятных

случаях в своей работе, но и о психологическом состоянии ветеринаров, которые работают в напряженной индустрии, связанной с жизнью и смертью.

В эпоху, когда врачи и медсестры более открыто говорят о реальности спасения человеческих жизней, Рори показывает, какие жизненно важные услуги ветеринары предлагают для ухода за животными. Он описывает требовательный опыт ветеринарной школы, предлагает очень гуманный взгляд на то, что значит обращаться с животными, и рассказывает о мало обсуждаемых последствиях для психического здоровья ветеринара.

В формате PDF A4 сохранен издательский макет.

Содержание

Вступление	7
1. Как все начиналось	10
2. Юный доктор Дулиттл	27
Конец ознакомительного фрагмента.	36

**Рори Коулэм
Тайная жизнь
ветеринара. Откровенные
истории о любви к
животным, забавных и
трагических случаях и
непростой профессии**

Rory Cowlam

The Secret Life of a Vet: A heartwarming glimpse into the
real world of veterinary from TV vet

© Rory Cowlam 2020

© Новикова Т. О., перевод на русский язык, 2022

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

* * *

*Я посвящаю эту книгу, в первую очередь моим
родителям, которые всегда верили в меня, во
вторую – животным, заботиться о которых для*

меня большая честь.

Вступление

Меня зовут Рори.

Я ветеринар, работаю в ветеринарной клинике в Южном Лондоне и занимаюсь животными-компаньонами. Точнее сказать, лечу «собак и мелких животных» – именно так я представляюсь при знакомстве. Сколько себя помню, меня всегда окружали животные, которых я любил всем сердцем. Родился я в доме, где постоянно жили кошки, не отходившие от меня ни на шаг. Но дело не только в кошках. Будучи совсем еще крохой, я заинтересовался насекомыми в нашем саду и через них проникал в тайны природы. Разглядев во мне юного доктора Дулиттла, родители решили завести собаку. Мне тогда было всего четыре года. Но они даже не догадывались, что моя любовь к животным определит мою будущую профессию.

В двадцать два года я окончил одну из лучших ветеринарных школ мира и готовился стать практикующим городским ветеринаром. В профессии ветеринара удивительным образом сочетаются высокотехнологичная медицина и хирургия и трогательная забота о животных. Мой путь в ветеринарию начался с того мгновения, когда в нашем доме поселилась собака.

Если вы думаете, что быть ветеринаром – это обнимать милых щенят и котят, делать им прививки и давать таблетки от глистов, то прошу вас прочитать эту книгу.

Ветеринарный врач – больше чем профессия. Это

призвание. И я счастлив, что стал ветеринаром, и теперь хочу познакомить вас с этой необыкновенной профессией.

Моя цель – пригласить взглянуть на окружающий вас, постоянно меняющийся мир другими глазами. Я хочу рассказать и о своем детстве в Котсволдсе, когда впервые увлекся животными, и о напряженных годах учебы в ветеринарной школе, и о жизни молодого ветеринара, изо всех сил борющегося за то, чтобы удержаться на плаву, невзирая на кровь, пот, слезы. И, конечно же, о замечательных животных, которым мне выпала честь служить верно и бескорыстно. Я горжусь, что посвятил свою жизнь лечению и помощи этим прекрасным созданиям.

1. Как все начиналось

Моим первым настоящим другом в мире животных была кошка по имени Крими. Мама взяла ее и ее сестру Пич из приюта Лиги защиты кошек. Мы с Крими полюбили друг друга. Она всегда спала рядом со мной – даже когда я был еще новорожденным, если мама не видела, ловко забиралась в мою колыбельку.

Подобная ее привычка многих настораживала – ведь истории о том, как кошки случайно душат детей в их кроватках, известны всем. Но со мной все было в порядке, и мы с Крими стали неразлучными друзьями. Родители называли ее «сторожевой кошкой», потому что она неусыпно присматривала за мной. Мама часто предавалась воспоминаниям о Крими и ее сестре. Больше всего я любил историю 1988 года, которая произошла в Сент-Олбансе. Мама повторяла ее миллион раз, и я запомнил рассказ слово в слово и с удовольствием делился им со всеми, кто готов был слушать о моей любви к животным. Мама считала Крими и Пич потрясающими кошками, идеальными от лапок до хвоста. Однажды маму разбудило непрекращающееся мяуканье за окном. Это совсем не походило на наших кошек, которые отличались самостоятельностью и независимостью. Мама открыла входную дверь.

На пороге стояла Крими, зубами держа Пич за шкурку. Наша маленькая черно-белая кошка увидела, как ее сестра выбежала на дорогу и получила скользящий удар от проезжавшей мимо машины. Крими схватила сестру и потащила

ее по крутой лестнице прямо к двери. Без нее Пич не выжила бы. Крими стала настоящим супергероем среди домашних кошек.

К тому времени, когда я родился, Пич в нашем доме уже не было. У Крими появилась новая приемная сестра, Топси. Вот с этими двумя кошками я и подружился в первые три года моей жизни.

Когда мне исполнилось четыре, мама, папа, я и моя младшая сестра отправились на машине за нашей первой собакой, Лулу, – голубым немецким догом. Эта поездка навсегда изменила мою жизнь. Щенок размером с мяч для регби очень быстро перерос меня раза в два. Лулу сразу же стала моим лучшим другом и охранником. Если вы читали книгу про Питера Пэна, то наверняка помните мою любимую героиню Нэну, собаку Дарлинггов. Лулу – это моя собственная Нэна. Она усердно присматривала за мной на улице. Обычно я ездил в школу на велосипеде в сопровождении своей сестры Бетан, мамы и Лулу. Дорога проходила через парк. Если я уезжал слишком далеко, Лулу не отставала. Ежели я исчезал из поля зрения моей мамы, Лулу преграждала мне путь и не давала ехать дальше, пока она не появлялась. Меня это страшно злило, но в то же время тянуло к этой собаке. Мне хотелось неразлучно быть рядом с ней. Из школы я всегда спешил домой и устраивался на полу возле ее лежанки.

Я мог сидеть около нее часами. Мы постоянно играли в саду, как брат с сестрой, и делились между собой собачьим

печеньем. Я называл ее моей тенью и лучшим другом. За много лет у нас было немало собак, и я любил каждую из них. Но когда сейчас я пишу эти слова, на книжной полке рядом со мной стоит фотография Лулу.

Мы с ней были родственными душами.

* * *

Я родился в Виндзоре, но рос в Котсволдсе и все свое свободное время проводил с животными. Хотя я давно полноправный лондонец, Котсволдс я по-прежнему считаю своим духовным домом. Я вспоминаю сочные травы на покатых холмах, где паслись коровы, овцы, свиньи и лошади. Вспоминаю ветреные проселочные дороги, ведущие от фермы к ферме, окаймленные живыми изгородями, такими высокими, что заглянуть за них можно было только с трактора.

С четырех до семи лет я жил в Сайренсестере в большом таунхаусе с длинным узким садом. Мы с Лулу носились по этому саду наперегонки и лакомились созревшими яблоками. Там было замечательно, но, когда мы переехали из города в маленькую деревушку Хэнкертон, я почувствовал себя деревенским жителем. Наш дом стоял между тремя полями, а ближайший сосед жил в коттедже в конце 200-метровой подъездной дороги. Больше всего в нашей усадьбе мне нравился «лес» – небольшая рощица за домом, посреди которой рос огромный каштан. Здесь я возился с собаками, собирал

каштаны, разводил костры и лазил по деревьям.

Когда я не занимался и не играл с собаками (появление Лулу открыло шлюзы в моем детстве: в нашем доме почти всегда было три собаки), то копался в саду, стараясь узнать о природе как можно больше. В то время у нас водились куры, утки и гуси. Мы жили в настоящей сельской местности, и у меня не было недостатка в объектах исследования. Мне повезло: родители старались рассказать мне побольше о домашних животных и привлекали меня к уходу за ними. И не было ничего необычного в том, что я помогал отцу в огороде: он выращивал столько овощей, что хватило бы на целую деревню. А потом я бежал к маме на кухню, где она делилась со мной своей любовью к кулинарии. В остальное время я развлекал младшую сестренку или забавлялся с ней в саду, не забывая ловить насекомых и знакомиться с миром живой природы.

Наши куры и утки несли много яиц. У меня были свои обязанности по хозяйству: утром до школы я собирал яйца, а потом насыпал в кормушки корм и наливал воду в поилки. Как-то мы держали больше дюжины кур, и яйца у нас не переводились. Мне удалось убедить маму, что если я буду продавать и доставлять соседям яйца, то ей не придется давать мне карманные деньги. Я разъезжал по деревне на своем велосипеде, на руле которого висели большие сумки с коробками яиц.

По выходным в мои обязанности входило чистить курят-

ник и засыпать пол чистой соломой. Это была несложная работа – пока не появился особенный петух.

На протяжении многих лет у нас побывало немало петухов, которых я ценил, потому что без них не было бы столько чудесных цыплят. Со всеми петухами, несмотря на их драчливость, все же можно было справиться. Но потом объявился Рокки Дель Бой Третий.

Мы с Бетан вечно спорили, какое имя дать петуху или курице. В конце концов бедные создания получали самые невообразимые клички. При выборе имени для первого петуха мы черпали вдохновение из любимых кинофильмов и телешоу. Предпочтение отдавали картинам о животных. До сих пор мне нравится мультфильм *«Король Лев»*. Будучи уже взрослым человеком, я плакал навзрыд над сценой смерти Муфасы в новой версии фильма. А тогда я больше всего любил *«Побег из курятника»*, где петуха звали Рокки. Моя же сестра была страстной поклонницей телесериала *«Дуракам везет»* (папино влияние!). И когда мама спросила, какое имя Бетан выберет для нового петуха, она, разумеется, предпочла имя одного из главных персонажей – Дель Бой. Так появилось имя Рокки Дель Бой (РДБ), и оно перешло к его потомкам. Рокки Дель Бой Второй был бентамским петухом, потому что мы попросили местного фермера достать нам именно бентамца. Если вы не знаете, что это такое, только скажу, что куры бентамки – хоббиты куриного мира. Рокки Второй весьма неуютно чувствовал себя среди крупных,

упитанных красных род-айлендов. Пришла весна, а цыплят мы так и не увидели. Неудивительно, что Второго быстро сменил Третий, великолепный белый суссекс шести месяцев от роду. В отличие от своего предшественника, он оказался настоящим гигантом во всех смыслах.

Сегодня мне приятно думать, что я родился с любовью к животным, но РДБ Третий никак не хотел становиться моим другом. Каждое утро в темноте и холоде я шагал к курятнику, на ходу сонно потирая глаза. Я тащил ведро с кормом и шланг, чтобы наполнить поилки водой. Мне предстояло пройти через ворота. Как бы тихо я ни крался, РДБ Третий всегда меня поджидал. Его красные глазки пристально следили за мной. При моем приближении он воинственно распушал свои перья – клянусь, он на глазах становился на целый фут выше! Я очень быстро смекнул, что от Третьего нужна надежная защита, и нашел большую деревянную доску. Я чувствовал себя римским воином, держа перед собой надежный щит и отражая его яростные атаки. Как только моя рука касалась двери курятника, петух начинал тихо шипеть, а когда дверь распахивалась, он с ума сходил от злости. Он набрасывался на мою жалкую деревянную защиту, выставив когти и хлопая крыльями. Этот воинственный петух мог часами гонять меня по курятнику. Я уже стал бояться, что своим острым клювом он когда-нибудь заклюет меня до смерти.

Должен признаться, я не особо расстроился, когда как-то утром обнаружил, что от Третьего осталась одна голова, ва-

лявшаяся в углу курятника. Хитрая лиса сделала подкоп под птичник, и даже острые когти петуха не спасли.

Своей страстной любовью к животным я обязан маме. В молодости она горела желанием стать ветеринаром, но так и не смогла воплотить эту мечту в жизнь. Поэтому решила, что эта профессия идеально подойдет мне.

Каждый считает свою мать лучшей в мире, но, боюсь, вы все ошибаетесь. Самая лучшая в мире мама – моя! Она всегда была для меня опорой и никогда ни к чему не принуждала.

Когда я окончательно понял, что хочу работать с животными, она помогла мне связаться с местными фермами, приютами и конюшнями, чтобы я смог на практике поработать с самыми разными животными. Она поддерживала меня во всем, что касалось животных. Мама – настоящий супергерой!

Мне невероятно повезло, что я рос в сельской местности, – там открывались потрясающие возможности, о которых в городе оставалось бы только мечтать. С десяти лет я работал на местной ферме, помогал ухаживать за овцами и устраивал себе лежанки на тюках сена. У меня был школьный друг и тезка Рори. Он вырос в семье фермера. Самое счастливое воспоминание моего детства, как мы расставля-

ем на деревянной балке сеновала зеленых пластиковых солдатиков (у вас наверняка тоже такие были) и играем с ними. Я очень рано научился водить сельскохозяйственные машины и уже в тринадцать лет мог развернуть прицеп – этому меня научил отец. И должен сказать, это не так легко, как кажется на первый взгляд!

Когда мне исполнилось пятнадцать, я стал волонтером в центре спасения диких животных «Дуб и борозды», которым руководила удивительная женщина, Серена. Она создала этот центр в память об умершей дочери, и ее энтузиазм был неиссякаем. Центр располагался в лесу, близ озер Южного Серни. Небольшой оазис дикой природы находился чуть в стороне от оживленной автострады A419 и в получасе езды на велосипеде от моего дома.

Я влюбился в это место с первого взгляда: помогал лечить пострадавших ежей, голубей, лис, барсуков и других животных и был предан этому всей душой.

Одно событие запомнилось мне навсегда – это рождение ягненка. Однажды, когда мне было не более одиннадцати-двенадцати лет, я, как обычно, сидел на диване и смотрел телевизор перед сном, и тут раздался телефонный звонок. Мама сняла трубку и с удивлением сказала, что это меня. Оказалось, звонит местный фермер – у него ягнится овца, и ему нужна моя помощь. Я был так польщен, что мгновенно вскочил на велосипед и понесся на ферму. До этого я несколько месяцев помогал ему строить сарай для ягнят,

а затем, когда стали появляться ягнята, кормил и ухаживал за ними.

Когда я добрался до фермы, передо мной открылась сцена: овца лежит на боку в залитом светом сарае. Я уже видел, как рождаются ягнята, и ничего не боялся. Многие ли одиннадцатилетние подростки с радостью примчались бы на ферму, чтобы поспеть к появлению ягненка на свет? Я же был просто счастлив. Как сейчас помню, что, опустившись рядом с овцой на колени, увидел торчащую маленькую ножку и черный нос. Овца трудилась уже почти полчаса, и фермер не отходил от нее ни на шаг.

Фермер всегда поощрял мою любовь к животным и с удовольствием принимал мою помощь, когда у меня было свободное от учебы время. Дел у него всегда хватало.

Сегодня, когда я представляю себе типичного фермера, перед моими глазами возникает крупный, крепко сбитый парень с ручищами-лопатами. Мистер Дуглас был полной противоположностью этого образа: невысок, но силен как бык, с живыми темными глазами, скрытыми стеклами бифокальных очков в красивой черепаховой оправе. Это был фермер-джентльмен. Уверен, за многие годы он без труда принял тысячи ягнят, но в тот момент это дело было ему в новинку. Фермерство – непростое занятие даже в обычное время. Что уж говорить о сезоне, когда ягнятся овцы!

К тому времени я уже хорошо освоился в фермерском мире, видел, как ветеринары и сами фермеры принимают ягнят

и телят. Но участвовать в этом процессе мне пришлось впервые. Я схватил бутылку с лубрикантом – на фермах всегда имелись здоровенные бутылки с этим средством, – смазал руки и ввел их в овцу со стороны показавшейся ножки. Голова ягненка была прижата к передней ножке, и язычок примерно на сантиметр торчал между губ. Оценив ситуацию, я забеспокоился, что ягненок уже мертв. Но вдруг я почувствовал, как язычок слегка прикоснулся к моей руке. Казалось, ягненок слышал мои мысли! Движение язычка было слабым и почти незаметным, но это был признак жизни. Я заторопился – головка и одна ножка уже вышли, но другая ножка оставалась позади, удерживая ягненка в родовых путях матери. Я не раз видел, как мистер Дуглас и его сыновья принимают ягнят, и понимал, что что-то пошло не так: при правильном положении плода сначала показываются передние ножки и голова ягненка. Я сказал мистеру Дугласу о том, что обнаружил, и он посоветовал смазать головку ягненка и отодвинуть плод в глубь матки и постараться исправить его положение.

Послушавшись, я так и сделал.

Фермер наблюдал за мной.

– Хорошо справился, парень, – похвалил он меня.

– Думаю, овца устала – она больше не тужится, – заметил я в ответ.

Обычно, когда пытаешься втолкнуть ягненка внутрь матки, приходится бороться с сильными схватками, потугами. Матери стремятся избавиться от ваших рук и своих отпрыс-

ков как можно быстрее.

Я лежал на полу перпендикулярно овце и, введя в нее руку по локоть, пытался развернуть ягненка. Я нащупал вторую переднюю ножку и осторожно потянул ее на себя. Овца, похоже, почувствовала, что я действую правильно, потому что, как только я выровнял ножку ягненка, она сильно натужилась, и моя рука и крохотный ягненок пулей вылетели в большой мир.

Ягненок вытянулся на полу и лежал без движения, а я сидел и смотрел, не зная, что делать дальше. К счастью, мистер Дуглас видел такое сотни раз и знал, как действовать. Он взял ягненка на одну руку, а пальцем другой руки очистил рот и нос от слизи, забившейся во время родов. А потом начал осторожно покачивать ягненка взад и вперед. Он делал это около десяти секунд, затем положил малыша и энергично растер его соломой. В последующие пятнадцать лет мне пришлось повторять это сотни раз. Данный урок отчетливо запечатлелся в моей памяти.

Мы с фермером присели на корточки и затаили дыхание, чтобы уловить в ягненке признаки жизни. Фермер был совершенно спокоен, а я ерзал на месте, с тревогой переводя взгляд с ягненка на фермера, а потом снова на ягненка, словно наблюдая за странной игрой в теннис. Ягненок кашлянул и затряс головой. Он был жив! Я перевел дух – похоже, я задержал дыхание на целых полторы минуты. Мистер Дуглас положил ягненка рядом с головой овцы, и та, несмотря на

усталость, приподняв голову, начала облизывать его. Это было волшебное зрелище. Я лег на солому и закрыл глаза. Мне хотелось запомнить этот момент навсегда – я впервые помог новой жизни появиться на свет и теперь испытывал непередаваемые ощущения.

Я простился с фермером и, сев на велосипед, покатил домой. Переступив порог, я сразу же бросился к маме, чтобы рассказать ей все. Я говорил без умолку, но она остановила меня:

– Давай-ка разденься и умойся! Ты весь в овечьем навозе! Да, такова сельская жизнь.

* * *

Школьные друзья – друзья на всю жизнь. Похоже, кто-то забыл мне это объяснить.

Не знаю, может быть, это связано с тем, что я всегда понимал животных лучше, чем людей, но заводить друзей мне было трудно. Не поймите меня превратно, я старался, но, как ни странно, мне было комфортнее в окружении четвероногих. Может, мне стоило пойти учиться в одну из школ-интернатов, где есть собственная ферма. Но тогда пришлось бы жить вдали от семьи, о чем не могло быть и речи.

Кроме животных, я проникся интересом к кулинарии и спорту. Любовь к кулинарии мне привила мама, а к спорту – отец. Он был футболистом-любителем, в школьные годы его

команда выиграла чемпионат графства. Ему стоило бы посвятить себя спорту, но он избрал путь лондонского бизнесмена. Уверен, ему нравилась его работа, но он всегда твердил, что мне нужно заниматься тем, что меня влечет по-настоящему. Отец приучил меня к футболу еще в юном возрасте, и в школе я успел поиграть в нескольких командах. К сожалению, отцовский талант я не унаследовал, но старался изо всех сил. Каждое воскресенье мы с отцом смотрели гонки «Формулы-1» и футбольные матчи. Когда я решил, что футбола с меня достаточно и пора переключиться на регби, отец стал брать меня на игры в Бате и Глостере.

В школе мне было нелегко (по крайней мере, в социальном плане), но я справился. Я учился, точно зная, кем хочу стать через десять лет.

Нигде я не был так счастлив, как в центре спасения диких животных, в конюшнях и на фермах. Именно там я и проводил большую часть свободного времени. Вне уроков я использовал любую возможность, чтобы побольше узнать о ветеринарии и животном мире.

Все мои сочинения были посвящены будущей профессии, и ко всем предметам я подходил с точки зрения их полезности для меня в будущем.

* * *

Поскольку я был из Котсволдса, когда началась ветери-

нарная хирургическая практика, чтобы набраться опыта, я стал проводить много времени в хирургических кабинетах в провинции. Я фантазировал о ветеринарии в стиле Джеймса Хэрриота – мечтал лечить всех, от щенков до могучих тягловых лошадей. Но, к сожалению, романтизированные истории ветеринарной практики в британской глубинке, среди зеленых холмов Йоркшира, где живут необыкновенные люди, постепенно уходят в прошлое. Больше всего мне повезло в Котсволдсе, когда ездил с фермы на ферму и ценил каждую минуту подобной работы. Книги Хэрриота были для меня источником вдохновения. Никогда я не ощущал такого родства с этим замечательным человеком, как в те дни. Родители познакомили меня с романами Альфреда Уайта (Джеймс Хэрриот – это его псевдоним), как только я научился читать. Я знал их наизусть, от корки до корки, и после прочтения этих книг у меня появилось вполне осознанное желание быть ветеринаром. Очень скоро Хэрриот стал моим кумиром. Он еще более укрепил мою любовь к животным и ветеринарии. В возрасте двенадцати или тринадцати лет я поехал в Тирск, близ Йорка, чтобы побывать в музее Хэрриота. Старинные инструменты, фотографии и невероятные истории меня просто потрясли.

Если вы там не были, настоятельно рекомендую посмотреть телесериал по произведениям Хэрриота *«О всех созданиях – больших и малых»*. Это чудесно!

Как я уже говорил, со временем сельская ветеринарная

практика для меня ушла в прошлое, я стал доктором животных-компаньонов, иначе говоря домашних питомцев. Это не то, о чем я всегда мечтал, но моя увлеченность профессией росла вместе с опытом. Большую часть времени я посвящаю лечению кошек и мелких пород собак. Я безумно скучаю по животным крупнее спаниеля, но сегодня я очень люблю свое занятие. Я с теплотой вспоминаю прежнюю ветеринарную практику, но вернуться в тот мир мне было бы непросто. Конечно, мир ветеринарии сильно изменился. Настала эра специализированной ветеринарии, и ветеринарам приходится выбирать между домашними любимцами, сельскохозяйственными животными и лошадьми.

В области медицины и ветеринарии постоянно совершаются новые открытия, и в наши дни мы можем оказывать такую помощь животным, какая раньше была немыслима.

Альф Уайт и его коллеги и мечтать об этом не могли. Сегодня ветеринарам нужно не только непрерывно получать новые знания и овладевать современными навыками, но еще и соответствовать требованиям клиентов, которые считают, что ветеринарный врач должен знать абсолютно все, чтобы помочь их питомцам. При такой информационной перегрузке обеспечить высокий уровень обслуживания, предъявляемого фермерами, владельцами лошадей и домашних

животных, очень непросто. Поэтому сейчас приходится выбирать узкую специализацию.

Постепенно дистанция между тем, как мы лечим животных и людей, незаметно сокращается. Ветеринарам весьма полезно обмениваться информацией о новейших методах лечения и достижениях технологий с обычными докторами и хирургами, которая порой производит на них большое впечатление. В университете мне нужно было сделать выбор между домашними и сельскохозяйственными животными. Не поймите меня превратно, мне нравятся лошади, но я никогда не мечтал лечить их. В конце концов я вернулся к тем, кого люблю больше всего. Моя любовь к животным началась с собак и кошек – вот почему я решил посвятить свои знания и умения лечению именно их.

2. Юный доктор Дулиттл

Я хотел стать ветеринаром с четырех лет. Мама долго упрашивала отца завести собаку. Но в то время он не был большим любителем животных (видели бы вы его сегодня!). Он никогда не имел собаки и решительно не походил на меня с моей любовью ко всем созданиям, большим и малым. Должен признаться, не помню, как это случилось, но со временем папа сдался. Одно из самых сильных впечатлений моего детства – это поездка за щенком. Мы все уселись в машину и покатили за нашей собакой.

Мама всегда хотела завести немецкого дога. Ее любовь к этим собакам появилась задолго до встречи с моим отцом. Все началось с Хайди. Это был первый немецкий дог в маминой жизни, и принадлежал он молодому человеку, с которым она встречалась. Они жили в Кокфостерсе и часто проводили время в пабе: пили пиво, болтали, а Хайди спокойно лежала под столом. Мама обычно уходила домой раньше мужчин, в сопровождении Хайди.

Путь лежал через парк, где после наступления темноты собирались не лучшие представители британского общества. Хайди деликатно брала в пасть мамину руку и провожала ее через парк, как личный телохранитель.

Когда мама добиралась до дома, Хайди разворачивалась и возвращалась в паб к остальной компании. Неудивительно, что рядом с Хайди мама чувствовала себя в полной безопасности и была очарована ею (похоже, хозяин Хайди маме нравился меньше). Так зародилась ее любовь к немецким догам.

Спустя двадцать лет мы решили исполнить ее мечту. Оглядываясь назад, я понимаю, что это было серьезное решение! Когда ко мне сегодня приходят люди, у которых раньше не было собак, и говорят, что хотят завести немецкого дога, я честно предупреждаю их, что это чистое безумие.

Мы ехали к заводчику догов. Несколько недель назад мы познакомились с нашей будущей собакой, и вот настало время забирать щенка домой. Я не мог сдержать возбуждения. Почти всю дорогу все заинтересованно обсуждали, где она будет спать, как ее получше устроить и, главное, как назвать.

Как вы помните, при выборе имени питомца каждый из нас имел право голоса, что подтверждается странным именем нашего петуха, Рокки Дель Бой Третий. Сестре моей тогда было года два-три, и она требовала назвать собаку «мисс Маффет». Сегодня я принимаю до двадцати собак и кошек в день, и мне доводилось слышать самые удивительные клички. Но при мысли о том, как моя мама (или, еще того лучше, отец) бегают вокруг дома с криками: «Господи Иисусе, мисс Маффет, брось эту гадость!», я начинаю дико хохотать даже сейчас. Но, вероятнее всего, родители просто не хотели называть собаку в честь персонажа детской потешки. Большую часть пути я придумывал имя и наконец предложил: «Лулу!»

До сих пор не представляю, откуда взялось это имя, – наверное, я был большим поклонником поп-музыки 60-х, и это в четыре-то года. Все согласились, что Лулу – идеальная кличка для нашей собаки.

Мы взяли Лулу в нежном возрасте восьми недель, и она прожила у нас десять лет. Довольно много для немецкого дога, и я всегда этим гордился. Когда мы забирали щенка, его лапы были больше моих ладошек, а уши свисали чуть ли не до пола. Лулу полностью отвечала моему представлению о собаке, и я влюбился в нее с первого взгляда. У нее был роскошный серо-голубой окрас, официально называемый голубым, и в детстве мне это казалось просто восхитительным. Друзья часто спрашивали, какого цвета моя собака, и я с гордостью отвечал: «Голубая». Мне никто не верил – ну разве бывают голубые собаки?

Когда мы вернулись домой в Котсволдс, мои родители, как все молодые владельцы собак, должны были отвезти Лулу к ветеринару для медосмотра и прививок. Мне хотелось участвовать во всем, что связано с Лулу, поэтому я заявил, что поеду с ними. Я никогда раньше не посещал ветеринара, но мама уже заметила, что я испытываю особую любовь к животным и ко всему, что связано с ними. Ветеринарная клиника находилась в конце улицы, где жила моя бабушка. Каждый раз, когда мы к ней приезжали, я видел множество животных, которых приводили в клинику.

В те выходные мы отправились в ветлечебницу с нашим маленьким голубым комочком счастья.

Собаку в приемную несла мама – мне бы сил не хватило поднять такого щеночка. Да, она была щенком, но уже в восемь недель весила добрых десять килограммов – явно не по

силам маленькому ребенку. В приемной мы уселись среди суетливых пациентов – собак и кошек. Мне было очень трудно сдержаться, чтобы не повозиться с животными, которых было так много вокруг, но я все же сумел взять себя в руки. Я сидел и гладил нашего милого щенка – несомненно, наша Лулу была самой красивой во всей приемной. «Лулу Коул-эм», – вызвал ветеринар. Он говорил с северным акцентом, который немного смягчал его зычный голос. Это то, что никогда не перестает забавлять друзей, когда я рассказываю им о своей работе: они всегда смеются, как я приглашаю в кабинет своих пациентов по имени. Домашним животным дают самые странные клички: Капитан Гром В Штанах (это был щенок, который просыпался от собственного пуканья), Мистер Мяуги (этого кота ко мне приносили каждую неделю с новыми боевыми ранами), Тинкербелл (таким нежным именем называли ротвейлера – одного из моих любимцев) и, конечно же, кот Дейв (потому что разве можно не любить кота по имени Дейв?).

Мы вошли в кабинет с нашей Лулу. Я впервые попал в кабинет ветеринара. Это была большая комната с белыми стенами, высоким потолком и ламинатом на полу – вполне настоящая клиника. На стене висела одинокая картина – сельский пейзаж, над ней часы. Картина до сих пор осталась на том же месте. В центре комнаты – большой металлический стол, покрытый черным резиновым ковриком. В те годы я еле доставал головой до стола. Мама поставила Лулу на стол,

а я стоял в углу и разглядывал ветеринара.

Он заполнял собой все пространство. Я никогда еще не встречал такого деятельного человека. Он протянул маме руку и представился – Род Бенсон. Это был мужчина лет тридцати в прекрасной физической форме. Густые темные волосы, яркие глаза и загар человека, который много времени проводит на свежем воздухе. Из-под белого халата виднелись клетчатая рубашка и бежевые вельветовые брюки.

У ветеринара мы провели почти час. Все это время разговор не смолкал. Не заблуждайтесь: про Лулу мы говорили минут пятнадцать, а в остальное время взрослые обсуждали самые разные темы: детство в Йоркшире (это сразу очень сблизило маму и мистера Бенсона), фильм «Бутч Кэссиди и Сандэнс Кид» (один из любимых фильмов мистера Бенсона), марафонские забеги (главное увлечение мистера Бенсона) и особенности классических автомобилей (еще одно его пристрастие). Визит сложился просто потрясающе. Я сидел в углу и с восторгом слушал взрослые разговоры. Но к осмотру мистер Бенсон привлек и меня – дал послушать сердце Лулу через стетоскоп и даже показал, как пользоваться весами, чтобы узнать вес нашей собаки – а потом и мой собственный. Это сильно впечатлило!

Мы распрощались и покинули кабинет. Лулу крепко спала после первой щенячьей прививки. Мама расплатилась на стойке регистрации, и мы неторопливо направились к машине. Дальнейшего я не помню, но мама клянется, что все так

и было.

Когда мы вышли от ветеринара и дверь за нами захлопнулась, я посмотрел на маму большими голубыми глазами (да, да, это же мамина история!) и сказал: «Мамочка, когда я вырасту, то буду ветеринаром, как мистер Бенсон». А остальное, как говорится, уже история.

* * *

После первого визита я встречался с мистером Бенсоном довольно регулярно. В то время у нас были две кошки, Крими и Топси, да еще Лулу. Мы стали завсегдатаями клиники, а я не упускал возможности побывать у моего будущего наставника. Я заставлял маму записываться к ветеринару так, чтобы я мог попасть туда после школы. Мне понравился наш ветеринар! Вскоре мы с мистером Бенсоном подружились, и мама договорилась, чтобы мне позволили бывать в его клинике и знакомиться с миром ветеринарии с другой стороны смотрового стола. Мы часто обсуждали мое решение стать ветеринарным врачом. Мистер Бенсон всегда меня поддерживал и относился к моим планам с большим уважением. Когда мы затронули тему практики, мистер Бенсон предупредил маму, что недавно перестал приглашать школьников, потому что им «совсем неинтересно», они «просто отвлеченно стоят в углу». Но и мама, и я заверили его, что я не похож на них и обязательно буду и помогать, и задавать правильные

вопросы. Мистер Бенсон согласился, и я записался к нему на недельную практику в дни школьных каникул.

Мне только что исполнилось четырнадцать. И я уже почти десять лет хотел стать ветеринаром. Это было удивительно – любовь к ветеринарии я впитал чуть ли не с молоком матери. Для меня никогда не существовало ничего другого. Это была моя заветная цель, и я всегда думал, что и все остальные выбирают профессию именно так. Помню, в детстве друзья, родители, учителя и многие знакомые часто задавали мне традиционный вопрос: «Ну, кем ты хочешь стать, когда вырастешь?» «Я буду ветеринаром», – неизменно отвечал я. На мои слова реагировали по-разному, но на родителей всегда смотрели с одинаковым выражением: «А он у вас очень самоуверенный, верно?»

* * *

Я уже несколько лет учился в ветеринарной школе. Как правило, студенческие каникулы я проводил дома. Часами бродил по Сайренсестеру – этот город я очень долго называл родным. Мои родители до сих пор живут поблизости. Однажды я встретился со своим старым другом Джеймсом, с которым дружил с начальной школы. Мы выпили кофе и немного поболтали, вспоминая, как играли в футбол в парке или собирали карточки с Покемонами или Вархаммером. Сегодня Джеймс преподает бизнес и экономику в Универси-

тете Кардиффа – он всегда был помешан на бизнесе, и такая работа ему идеально подходит. Когда мы вышли из «Старбакса», я поймал, как мне показалось, какой-то знакомый взгляд. Женщина прошла мимо и скрылась в фотомагазине. Я поторопил Джеймса, мы побежали и устали в витрину.

Я не ошибся. Это была миссис Пи, наша учительница в начальных классах. А еще она преподавала у нас английский.

Будучи весьма активным ребенком, я не мог усидеть на месте. Но миссис Пи сумела найти верный баланс между уважением и легким страхом, поэтому на ее уроках я обычно вел себя лучше, чем на занятиях других учителей. Она всегда уделяла мне больше времени, и я не понимал почему, пока она не объяснила родителям, что у меня плоховато с английским. Учительница подозревала, что у меня дислексия. В то время дислексикам практически не помогали, и миссис Пи оказалась первым учителем, проявившим достаточно внимания, чтобы заметить это, и годы спустя, уже в университете, мне действительно поставили такой диагноз. Миссис Пи любила делать пышную прическу с химической завивкой, у нее было доброе лицо и острый нос. Она неизменно носила платье с блейзером – именно в таком виде мы и увидели ее в тот день в фотомагазине. Начальную школу давно закрыли, поэтому у меня не было возможности снова побывать в родном классе. Я не видел миссис Пи много лет, и мне очень захотелось с ней поздороваться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.